

ЦЕРКОВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ЕНИСЕЙСКАЯ ЕПАРХИЯ ЗИМОЙ – ЛЕТОМ 1917 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЧАТИ)

И.Е. Бобрин

Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева

События, охватившие Российскую Империю в 1917 г., для истории Русской Православной церкви стали границей между старым, синодальным, периодом истории РПЦ и новым, советским (или т.н. «вторым патриаршим»). Наряду с этим между двумя указанными формами взаимоотношения государства и церкви находится промежуток, нередко именуемый «церковной революцией», связанный с поисками новых типов государственно-конфессиональных отношений. Исходя из общего тезиса о том, что предпосылки январского декрета 1918 г. были заложены событиями 1917 г., предположим, что некоторые стороны государственно-церковных отношений в Енисейской губернии можно понять, апеллируя к февралю – октябрю 1917 г. К примеру, низкая сопротивляемость населения по вопросу отделения церкви от государства – следствие деятельности приходских собраний в апреле 1917 г. (как одна из причин).

Общей чертой повседневности России в 1917 г. стал «дух» свободы, которым были пронизаны все структуры российского общества. Религиозные организации с падением монархии также ощутили веяние «свободы».

Енисейская епархия, как, никакая другая, недовольная деятельностью епископа Никона (Бессонова), ощутила все возможности от предоставленных прав и свобод. Данный вопрос уже поднимался в работах М.А. Бабкина [1], П.Г. Рогозного [10, с. 212], красноярского исследователя Г.В. Малашина [8, с. 261], поэтому не будем останавливаться на проблеме взаимоотношения епископата и приходского духовенства. В данной работе попытаемся определить те тенденции в умах духовенства после февральского переворота, проблемы, внутриепархиальные кризисные явления, которые, по мнению духовенства 1917 г., необходимо было устранить.

Обобщая предшествующий исследовательский опыт, материалы печати, опубликованные данные, можно привести несколько «волн» повседневной жизни Енисейской епархии после февраля:

– первая «волна» (март – первая половина апреля): деятельность епископа Никона от первых телеграмм правительству до апрельского съезда духовенства и мирян. Восторженное приветствие революции владыкой, политизация, неумышленная «подготовка» енисейского духовенства к свержению правящего архиерея.

– вторая «волна» (вторая половина апреля): деятельность Енисейского епархиального съезда духовенства и мирян. Подмена енисейским духовенством целей съезда, требуя отстранения Никона. Первый «опыт политической борьбы» енисейского духовенства. Создание выборного епархиального органа, отъезд владыки. Оживление и демократизация церковной жизни.

– третья «волна» (апрель – август): «двоевластие» выборного (Епархиальный наблюдательный совет) и поставленного (епископ Гавриил (Воеводин)) начал. «Реакция» епископа Гавриила. Замирание епархиальной жизни.

Итак, исходя из общего для всей страны в 1917 г. критерия повседневности – свободы, Енисейская епархия весной – летом 1917 г. пережила три состояния «свободы»:

1. Свобода, стесненная епископом Никоном;

2. Свобода, выведшая на суд епископа Никона;
3. Свобода, ограниченная последствиями отстранения епископа Никона.

Енисейская епархия, вступая в 1917 г., ощутила ряд острых проблем в церковной жизни. С января 1917 г. эти проблемы стали обсуждаться на страницах нового епархиального журнала – «Енисейская церковная нива». Название журнала выбрано, скорее всего, не случайно. В буквальном смысле, нива – это поле, возделанное для посева, в переносном значении – поле деятельности. В христианском разуме церковной нивой нередко именуют всю паству, главным «сеятелем» такой «нивы», как гласит библейская притча, выступает сам Христос: «И стал сеять семя свое – Слово» [Лк, 8:5]. Иными словами, «Енисейская церковная нива» стала площадкой для обсуждения актуальных тем из жизни епархии, став, тем самым, «публичной сферой», где енисейские пастыри смогли бы создать интеллектуальное пространство.

«Анамнез» Енисейской епархии, судя по первым номерам «Енисейской церковной нивы» следующий. В некоторых уездах губернии церковно-приходские школы полностью пришли в упадок, потому как крестьяне не стали отправлять туда своих детей [5, с. 35], семинаристы уклоняются от пастырства [3, с. 42–43], священники занимаются больше мирскими делами, нежели церковными, перестают посещать своих прихожан, уклоняются от религиозных норм [4, с.15]. Мнение духовенства относительно народа разделилось: первая группа пастырей считает, что народ становится менее религиозным [3, с. 52], вторая группа – народ по-прежнему религиозен, но берет «дурной» пример со своих пастырей [4, с. 15], третья группа – сибирский народ есть «уроды в христианском разуме» (И. Парышев) [6, с. 18].

Таким образом, ненавязчиво, по совокупности мнений, енисейское духовенство в кризисном состоянии церкви склонно обвинять в происходящем не столько паству, сколько самих пастырей.

«Народ видит, что мы только говорим, а на деле не делаем» – писал «Пастырь» [4, с. 14]. О похожем явлении говорил и И. Фигуровский: «Теперь, когда мы горячо говорим о высоте пастырского служения, а сами также энергично уклоняемся от пастырства» [3, с. 43].

Енисейское духовенство, создавая новый журнал, осознавало важность момента: «Если же не пойдем сейчас, мы потеряем последний свой авторитет, утратим последнее свое влияние и вместо нас придут «волки хищные, которые распуздят и расхитят «овец» нашего богоданного словесного стада» [3, с. 25].

Таким образом, осознание того, что многие церковные проблемы исходят из деятельности самих пастырей, уже пришло в передовые умы духовенства, но спустя некоторое время, «волной» реформаторских тенденций эту проблему «смыло» желанием «соборности», т.е. выборности в епархиальных структурах.

Итак, вступая в революцию, духовенство Енисейской епархии осознало необходимость укрепления церковного и политического авторитета священника. «Правильное» соотношение «слова и дела» в пастырской среде, многими перед революцией понималось как один из выходов в кризисной ситуации.

После февральского переворота и отречения императора, по-нашему мнению, наступает первая «волна» нахлынувшей «свободы» в епархию, с головой скрывшая епископа Никона. 3 марта, возвращаясь с мужского скита, владыка узнал о произошедших в столице событиях. Как известно, енисейский архиерей крайне восторженно встретил эти события, о чем уже не раз писалось исследователями [8; 10]. Разослав телеграммы правительству, отыскав поддержку революции в рядах енисейского духовенства, епископ Никон стал вести активную политическую жизнь в регионе. С церковного амвона после богослужений владыка вы-

ступил с речами 3, 5, 10, 12, 18 марта, чем, конечно же, изрядно «приелся» красноярскому духовенству. «В дни переворота», – говорил владыка, «я молчать не хочу, не могу и не буду» [5, с. 15]. Владыка всячески старался вызвать в регионе максимальную поддержку Временному правительству.

Первому воскресенью после переворота (5 марта) епископ Никон придал большую значимость, поэтому, отслужив службу в Кафедральном соборе и выступив с политической речью, владыка совершил торжественный молебен с участием всего городского духовенства.

«На нас, отцы, лежит важный долг разъяснить пасомым всю важность исторического момента» – говорил епископ Никон [5, с. 13]. Подобную схему, как 5 марта, архиерей провел и 10 марта, в пасхальный день. При этом, епископ Никон сравнил произошедший переворот с Воскресением Христовым, определив февральский переворот как «гражданскую Пасху» [№3. С. 16]. Кроме этого, в своей речи оратор призывал в пасхальный день отказаться от политической борьбы и раздоров, напоминая некогда французское «всеобщее братание». После молебна состоялось массовое шествие, охватившее до 40 тысяч человек. 12 марта в Архирейской церкви владыка вновь выступил с речью, высказал «боязнь за Святую Русь», говоря о проблеме незавершенности войны [5, с. 17].

Таким образом, весь март 1917 г. в регионе характеризовался гиперактивной деятельностью епископа Никона, который постепенно политически «вращивал» енисейское духовенство.

Вторая «волна», по-нашему мнению, начинается тогда, когда енисейское духовенство смогло «объединиться» и составить оппозицию своему архиерею. Созванный самим епископом Никоном, съезд стал местом для осуждения деятельности владыки. За несколько дней до открытия съезда газеты питали надежды на предстоящий съезд. Особо отмечались «соборность», «общепархиальность» съезда, обозначались текущие проблемы епархии (чуждость пастырей по отношению к прихожанам, отсутствие всякой духовной связи, высокая мобильность духовенства). «Этот местный «соборик» должен освежить воздух» – писал «Прихожанин» в «Свободной Сибири» [11]. В конечном итоге, спустя два дня после открытия съезда, был поставлен вопрос об отношении епархии к Епископу Никону. Примечательно, что материалы данного съезда никак не отражены в «Енисейской церковной ниве», а в большей степени в городских газетах.

Идея выборности в рядах духовенства некоторым образом влияла на цели будущего съезда. Хотя, по мнению священника Петра Скрынченко, такие настроения были лишь данью моде, а енисейское духовенство вообще было не готово воспринять принцип выборности [6, с. 25].

Давно назревший и малорешаемый «приходской вопрос» вообще имел неоднозначную оценку в рядах духовенства: одни видели решение проблем в материальном обеспечении духовенства (П. Скрынченко, А. Веселовский, М. Скрынченко), другие в выборности пастырей, их духовном воспитании (И. Фигуровский). Интересным вариантом разрешения «приходского вопроса» предлагалось пчеловодство, на страницах енисейской печати стали появляться статьи на эту тему [4, с. 43; 5, с. 53]. Еще в середине XIX в. ученый-пчеловод Н. Витвицкий писал, что «повсюду в просвещенной Европе священники пекутся и об улучшении пчельного хозяйства», являющегося прибыльной «и вместе приличной для их сана промышленностью» [2, с. 86]. Кроме того, пчеловодство выступает в качестве поднятия авторитета среди прихожан, а также как богослужебный ресурс (воск для свечей). В Енисейской губернии, после массовых сокращений поставок воска, на фоне раз-

ногласий между прихожанами и пастырей, возникла идея популяризовать занятие пчеловодством. Сама необходимость популяризации наталкивает на мысль о низком проценте «церковников-пчеляков» в Енисейской губернии.

С отъездом епископа Никона наступила третья «волна», когда выбранные епархиальные органы не могли функционировать в полной мере, из-за существования двух источников власти. Исходным тезисом о новой «волне» является заметка о «замирании епархиальной жизни» [6, с. 35].

Таким образом, с января по август 1917 г. енисейское духовенство пережило три «волны» и минимум три тенденции в сознании пастырей: «перевоспитание» священников, демократизация епархиальной жизни, устранение «больной головы» (епископа Никона). Многие обсуждаемые вопросы к августу так и остались неразрешены, однако копившийся «пар» был выпущен.

Источники и литература

1. Бабкин, М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост., автор предисловия и комментариев М.А. Бабкин. – М.: Индрик, 2006. – 504 с.
2. Витвицкий, Н.М. Практическое пчеловодство. Часть I / Н.М. Витвицкий. – СПб: типография Эдуарда Веймара, 1861. – 153 с.
3. Енисейская церковная нива. – 1917. – №1.
4. Енисейская церковная нива. – 1917. – №2.
5. Енисейская церковная нива. – 1917. – №3.
6. Енисейская церковная нива. – 1917. – №4-5.
7. Енисейская церковная нива. – 1917. – №6-8.
8. Малашин, Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861-2011 гг. / Г.В. Малашин. – Красноярск: ИД «Восточная Сибирь», 2011. – 480 с.
9. Rogoznyy, P.G. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции) / П.Г. Rogoznyy. – СПб.: Лики России, 2008. – 224 с.
10. Свободная Сибирь. – 1917. – №9. – 13 апреля.

СУДЬБА СВЯЩЕННИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

В.С. Жукова

Вологда, Вологодский государственный университет

1917 г. многое изменил в судьбе народов и регионов бывшей Российской империи. Сломал привычный уклад жизни. Несмотря на смену траектории развития, мировоззренческий уклад изменялся довольно медленно. Я хочу обратить внимание на судьбу одной семьи – Турундаевских. По стечению обстоятельств жили они как раз на этапе смены исторических эпох. При написании статьи я буду пользоваться воспоминаниями Александра Анатольевича Турундаевского [1, с. 191 – 155], а так же архивными материалами [2, л. 6 – 7].

Род Турундаевских известен с 1755 г. На фотографии Протоиерей Василий Турундаевский (1840 – 1916 гг.) в центре фотографии, за ним сыновья (слева направо): Николай, Анатолий, Александр, Константин, на полу – Афанасий. Сидят (слева направо): жена Анатолия Анна, жена Александра Антонина, дочь Людмила, жена Константина Елизавета. Дата съемки неизвестна [3]. Из этой большой семьи главное внимание я уделю Афанасию Васильевичу Турундаевскому.